Любовь в законе

Кирилл Казанцев

Он не слушал приговор. Он клялся

Отмщённый

Казанцев. Любовь в законе

Кирилл Казанцев

Отмщённый

«Эксмо»
2013

Казанцев К.

Отмщённый / К. Казанцев — «Эксмо», 2013 — (Казанцев. Любовь в законе)

ISBN 978-5-699-68666-7

Четверо пьяных ментов избили до полусмерти Павла Ковальского и изнасиловали его семнадцатилетнюю невесту. Когда Павел пришел в себя, он из последних сил бросился с кулаками на подонков и убил одного из них. Разъяренные менты решили отомстить за смерть товарища. Но убивать Павла они не стали, а придумали более изощренное наказание: силой напоили парня, а потом обставили дело таким образом, что он оказался виновным и в убийстве, и в изнасиловании. Паша Ковальский получил огромный срок – восемнадцать лет строгого режима. В день вынесения приговора он поклялся, что ни одному из подонков, разрушивших его жизнь, не удастся уйти от возмездия…

ISBN 978-5-699-68666-7

© Казанцев К., 2013
© Эксмо, 2013

Кирилл Казанцев
Отмщённый

«Существуют разные лекарства от любви, но нет ни одного надежного».
Ф. Ларошфуко

Белокаменный дом на краю соснового бора сотрясался от веселья. Гоготали мужики, смеялась и срывалась на визг женская половина собрания. Гремела музыка, но за вселенским ором она терялась, был слышен только барабан. Гуляла небольшая, но дружная компания. Выстрелила пробка – и веселье достигло космических высот. Кому-то из присутствующих не подфартило – облили шампанским.

– Все в баню! – хохотал мужчина. – Все в баню! Открываем банно-прачечный комбинат! Люсьен, ты в этой мокрой блузке просто неотразима!

– А пить и есть я за вас буду? – возмущался другой. – Никаких бань! Вы только полюбуйтесь на это гастрономическое изобилие! А ну-ка, Аделаида Юрьевна, открывайте ваш вместительный ротик, отведайте нашего эксклюзивного морского гада!

– Я больше не могу! – стонала женщина. – Я такая толстая! Пощадите, господин майор!

– Сами виноваты, душечка! Надо больше есть и меньше жрать! – надрывался остряк. – И тогда вы будете в отличной спортивной форме! Мужчины, вы готовы уничтожить наши скромные алкогольные запасы?

– Подполковник, опомнитесь! – смеялся обладатель густого тенора. – Если все это выпить, похмелья точно не будет!

Сомкнулся хрусталь, веселье разгоралось.

– За полицию! – гремели тосты. – За жизнь без правок и купюр!

– За схематизм в работе! – вставлял остряк, вызывая новую порцию хохота.

В гостиной бельэтажа было весело, гости активно расслаблялись. Заскрипела дверь, выходящая на балкон второго этажа, и на террасу, опоясанную вычурной оградой, вывалился в меру упитанный мужчина. Он шумно отдувался, икал. Привалившись к перилам, он издал громогласный отпугивающий звук, сплюнул под балкон. Вслед за ним объявилась нескладная блондинка в мокрой блузке и короткой юбке. Такое ощущение, что ее пинком спровадили из гостиной. Блондинка перебрала, она подбежала к перилам и чуть не вывалилась наружу. Вцепилась в ограждение, погрузилась в подвешенный горшок с гортензией. Девицу рвало и тянуло вниз. Мужчина с ярко выраженной харизмой в мясистом лице оторвался от перил, схватил ее сзади, чтобы удержать. Два тела сомкнулись. Мелькнула несерьезная мысль: а почему бы не воспользоваться ситуацией – как сказал бы гаишник, «методом частичной погрузки»? Девица, хоть и мучилась, но явно не возражала – объемные чресла стали совершать волнообразные движения.

– Держите меня, Дмитрий Аверьянович, держите… – хихикала она. – Фу, какая гадость эта ваша гортензия, господин полковник… – Она потешно скривила носик. – Вы ее нефтью поливаете?

Полковник полиции опомнился – он еще не настолько пьян, чтобы позариться при «невыясненных» обстоятельствах на такую посредственность. Есть и интереснее кандидатуры, лучше приберечь силы. Он отступил от девицы, развернул ее и чувствительным шлепком отправил в проем – где за мутным стеклом и «предбанником» веселились коллеги по управлению и работницы нелегкой профессии из Дубны (из тех, что «зарабатывают, глядя в потолок»). Гуляй, родная, как там тебя по батюшке… Девица обиженно вскричала, но подчинилась воле хозяина. Появление «невостребованной» блондинки в компании встретили бурными аплодисментами. Хорошо-то как! Прошла икота, свежий воздух и порывистый ветерок включили мозги и

отрезвили. Полковник Глотов Дмитрий Аверьянович, начальник Литвиновского РОВД – 45-летний, основательный, уверенный в себе мужчина – взялся за перила, вдохнул живительный воздух полной грудью. Пара минут покоя – очень кстати.

– А где же наш незаменимый? – надрывался в гостиной опьяневший коллега – начальник следственного отдела Пыхтеев. – Дмитрий Аверьянович, ты где?!

– Не такой уж он незаменимый! – хихикал заместитель Глотова майор Гурченко. – Так, временно исполняющий обязанности незаменимого! Дмитрий Аверьянович, ты где? Ушел на базу? Господствуешь над хаосом?

– Скоро буду! – прорычал Глотов.

Он щелкнул зажигалкой, прикурил сигарету. Бодрый ветерок изгонял из головы накопившуюся дурь. За спиной в гостиной шумели коллеги. Майор Ходасевич щипал за выпуклые места пышнотелую Аделаиду Юрьевну и манерно недоумевал: почему считается, что грешить – это плохо? Грешить – это прекрасно! С балкона бельэтажа открывался приятный вид на сосновый бор, залитый желтоватым лунным светом. Не за горами полночь – самое время для шумной гульбы. Потревожить соседей Дмитрий Аверьянович не боялся – он плевал на соседей. Да и где тут соседи? До ближайших – метров двести. Участки нарезались хаотично – на берегу петляющей речушки, заросшей камышами. Владения полковника насчитывали полтора гектара. Ухоженный сад, прорезанный плиточными дорожками, бревенчатая сауна с игровыми комнатами, теннисный корт, временно пустующие добротные постройки, в которых предполагались конюшни. Территорию имения опоясывала решетчатая ограда. С севера ее подпирал щедрый на маслята хвойник, на юге протекала юркая Шаманка. Райский уголок располагался на севере Подмосковья, вблизи границы с Тверской областью – здесь еще остались уголки нетронутой природы. Помимо «поселка для богатых», разбросанного по равнинной местности, за бором имелась загнивающая деревня Нахапетовка, несколько хуторов, живописные озера – и все это благолепие окружали смешанные леса. Дороги в районе были преимущественно грунтовыми. Хорошее асфальтовое покрытие длиной в четыре километра соединяло лишь упомянутый поселок «особо продвинутых» с федеральной трассой, разрезающей райцентр Литвиново. Последний считался оплотом цивилизации на севере области, был известен своими институтами Академии сельскохозяйственных наук и возведенными корейцами автосборочными цехами.

Полковник выкурил половину сигареты, щелчком избавился от окурка – в этот момент под домом что-то промелькнуло. Дмитрий Аверьянович перегнулся через перила. Все чисто – клумбы, лохматый клематис, монументальная ваза на крыльце, в которую так удобно бросать окурки. Могло и показаться. Или кошка шмыгнула от акации к беседке. Кошкам ведь не прикажешь. Он всматривался в полумглу. Свет из окон первого этажа на улицу почти не поступал. Двери открыты. Двери дома всегда открыты. Кто, если он в своем уме, посягнет на собственность полковника полиции, у которого все схвачено не только в районе, но и в Белокаменной? Дмитрий Аверьянович покатал комок слюны на языке, выстрелил им в вазу. А в гостиной врубили на полную ритмичный шансон в исполнении «Вороваек», взревела группа поддержки. Видимо, начинался сеанс «одновременного» стриптиза. Полковник ухмыльнулся: «сцена асоциального поведения». И вдруг все звуки как-то отодвинулись, сделались глухими – кто-то закрыл промежуточную дверь. Снова рвется в бой девица, облевавшая его цветок? Не добиться ей этой ночью расположения влиятельного барина! Полковник повернулся, чтобы использовать по назначению коленку. Скрипнула дверь из толстого стекла, и на террасу проникла женщина – сравнительно высокая, фигуристая, черненькая. Заработал процесс слюноотделения. Не та – гораздо лучше! Эту смешливую путану он давно приметил и взял на карандаш. Ирина, или как там ее? Хороша, чертовка, глаза, как светофоры, формы – блеск. Дама в его вкусе – весь вечер строит ему глазки, делает многозначительные пассы в сторону спальни, ждет. И остальные, видя это дело, не претендуют на «даму сердца» босса, довольствуются оставшимся…

Он расплылся в голодной улыбке. Шаловливая кошечка забралась ему под мышку и похотливо заурчала. Подвижные пальчики проникли под рубашку, стали щекотать, побежали ниже – к поясному ремню. Закружилась голова, он схватил ее за плечи, встряхнул, швырнул на каменную стену между перилами и застекленным проемом. Нормальный силовой прием. Дама охнула, он впился жадными губами ей в шею, хотя и понимал, что делает ей больно. Потерпит, знала, куда шла. А не тряхнуть ли стариной прямо здесь, на свежем воздухе? Свои сюда не сунутся, они же не хотят, чтобы их завтра уволили? Романтика,ептыть ее, он еще способен справиться с этим дерьмом…

– Дмитрий Аверьянович, вы такой сильный мужчина… – хрипела Ирина. Ей было трудно говорить, девица задыхалась. – Скажите, пожалуйста, что у нас сегодня – спаривание или спарринг?

Глотов опомнился, ослабил бульдожью хватку.

– Прости, крошка. – Он машинально продолжал ощупывать вздымающиеся формы. – Ты такая… ты такая, чтоб тебя…

– Вы правы, Дмитрий Аверьянович, – хихикнула Ирина. – Я сплошь состою из мест, называемых неприличными словами. Я поддерживаю ваш порыв, но вам не кажется, что здесь… немного неудобно?

– Имеются предложения, мадам? – Проститутка права – душа жаждет праздника, а не «студенческого» перепихона. Порыв иссяк, он начал остывать. Возраст, чтоб его. Да еще супруга так некстати вспомнилась. Сидит одна в элитной новостройке в Литвиново, нервы на кулак наматывает. Прекрасно знает о похождениях благоверного, но чем ответит? На развод подаст? Ага, и будет отнюдь не столбовой дворянкой. Симметричными действиями? В ее-то сорок восемь? Не смешите мои тапочки. О половине нажитого состояния может даже не мечтать, уж он постарается. Работать пойдет? Да в каком столетии она в последний раз работала? Опасность с данной стороны отсутствует, но так неприятно, когда в самый острый момент в мозгу рождаются ее глаза – глубокие, злобные, а порой в них высвечивается такое, что он просто теряется, не знает, как себя вести…

– Пойдемте в спальню, Дмитрий Аверьянович, – урчала чертовка. – Там вы все рассмотрите, изучите, проведете, так сказать, государственную экспертизу…

Полковник не любил, когда его подначивали. Хотя сегодня можно! Он не сдавался, копошился у дамы под блузкой. У кого тут всё на самом высшем уровне? Путь в спальню лежал через гостиную, но это не беда. Можно задержаться, хлебнуть чего-нибудь горячительного для пущей готовности… А в гостиной, похоже, начинались боевые танцы с саблями. Визжали «сеньориты», орали «сеньоры», что-то упало и со звоном покатилось. Танцы в голом виде на столе, какая, право, похабщина. Мулен Руж, блин… Полковник насилу оторвался от сексуальной шлюшки. Ирина тяжело дышала, глаза переливались, как лунные огоньки семафора. Возможно, все это было фальшью, профи знают, как завести клиента. Но внешне все выглядело естественно и волнующе. Прекрасная штука жизнь, мать ее! Полковник впился в горячие уста элитной путаны, чуть не всосал их в себя, потом взял ее за руку и поволок с балкона. Он должен выпить. Он их уволит, если выяснит, что эти проглоты высосали весь «Камю»!

Мужчина с женщиной ввалились в освещенную гостиную. Ведь было что-то в голове: почему так тихо стало? То орут, как пострадавшие от реформы ЖКХ, то в рот воды набрали. Но мысль не задержалась, умчалась, как воробей. Ахнула Ирина, зажала рот ладошкой. Полковник оторопел. Что за лежачая демонстрация? В нарядной гостиной бельэтажа, оформленной «под классику», царило Куликово поле. Какие, на хрен, танцы в голом виде на столе! Перевернутые бутылки, стулья, разбросанные по полу деликатесы. Такое ощущение, что в отсутствие полковника ворвался ураган, прибрал прекрасных дам, а мужскую часть компании расшвырял вместе со стульями. Все четверо участников вечеринки валялись в живописных позах. Начальник следственного отдела Пыхтеев грохнулся вместе со стулом. Он потерял сознание, а из рас-

пахнутой глотки все еще торчала пикантная хорватская колбаска. Майора Гурченко шарахнули в висок, когда он пытался встать – был полет, жесткая посадка, майор валялся без чувств среди осколков бутылки, а вокруг все было забрызгано кровью. Ко лбу Ходасевича приклеился лист горчичного салата, но это не придавало ему сходства с римским патрицием. Майора треснули лбом о собственную тарелку, да так и бросили… Все трое валялись без чувств. Признаки жизни подавал лишь подполковник Томский – начальник районного управления собственной безопасности. Ноги подполковника торчали из-за дивана, придвинутого к стене, и как-то судорожно подергивались. Подполковник стонал, умолял его выпустить.

И больше никого! Мужчина с ужасом уставился на женщину. Женщина – на мужчину. Со лба полковника стекал предательский пот, как в сауне. Страх исказил хорошенькую мордочку Ирины.

– Да как же это, Дмитрий Аверья… – Она метнулась к нему, прося защиты, но он оттолкнул ее от себя. К черту баб. Полковника трясло. Кто посмел?! Резкий разворот на триста шестьдесят, ушки на макушке, машинально сжались натруженные кулаки. Прикрытая дверь на лестницу, напротив другая – к спальням второго этажа. Она была открыта, просматривался узкий коридор. Глухие женские крики. Он прозрел: путан не похитили, их заперли в санузле, расположенном в коридоре! Дверь дубовая, не выбьешь. Девицы, судя по всему, и не испытывали желания вырваться на свободу – они вопили от страха, но в дверь не бились. Кто же это содеял? Где эти твари? Обыскивают дом? Видимо, они не знали, что кто-то из участников вечеринки вышел на балкон…

– Дмитрий Аверьянович, что делать? Нужно бежать… – стонала, исходя страхом, Ирина. Глотов опомнился, бросился к угловому письменному столу, попутно вытрясая из кармана связку ключиков на карабине. Полезная привычка все свое носить с собой. Руки дрожали, но он справился с несложным запирающим устройством выдвижного ящика, выхватил миниатюрный семизарядный браунинг, передернул затвор. И сразу полегчало на душе. В загородном доме полковника Глотова было несколько подобных «схронов». Береженого бог бережет. Тайничок в спальне, а также в кабинете на первом этаже… Ирина вскричала, когда он машинально направил на нее ствол. Полковник совладал с собой, угомонил сердцебиение. Он мент или кто? Он не просто влиятельный офицер полиции, он ВООРУЖЕННЫЙ офицер полиции! Он в скором времени – генерал, какая сука посмела вторгнуться в святая святых и загубить такую вечеринку?!

– Спокойствие, девочка. – процедил он. – Все в порядке. Держись за меня. И не глупи, усекла?

– Усекла, усекла, Дмитрий Аверьянович, – яростно кивала проститутка. – Я же не дура… Господи боже мой, да как же так…

Полковник лихорадочно озирался. Приложил палец к губам: мол, объявляется минута тишины. В гостиной злоумышленников не было. Дом большой, где их носит? Нужно выбираться. В вестибюле у входа тревожная кнопка: стоит нажать, и через десять минут примчится группа быстрого реагирования – у них свой пост перед выездом на трассу. Но до вестибюля надо добраться. И занять себя чем-то в эти долгие десять минут… Он на цыпочках подбежал к двери, выходящей на лестницу, приоткрыл ее, выставил нос. В смежных помещениях не было света, и такое ощущение, что в темноте кто-то притаился. Дьявол! Он отшатнулся от двери, облизнул соленые губы. Ни разу в жизни Дмитрий Аверьянович Глотов не испытывал такого сумасшедшего страха. Полковника трясло, словно выгнали на мороз в одних трусах. И не только страх – изумление, неверие. Что за гуси залетные, не владеющие информацией? Наркоманы? Чушь. Действовали профи. Конкуренты, закулисные криминальные структуры? Кому в последнее время он перешел дорогу? Что за странный способ сведения счетов? Другая дверь – в коридоре горел свет, скулили женщины, запертые в санузле. Здесь имелся примыкающий коридор, там еще один спуск в вестибюль… Трясся палец на спусковом крючке. Судо-

рожное движение – и произойдет непроизвольный выстрел. Но он пока держал себя в руках, пересек разгромленную гостиную.

– Дмитрий Аверьянович, миленький… – бормотала Ирина. – Можно я девчонок из туалета выпущу? Чего они там сидят?

Глотов задумался. Почему бы и нет, раз такое дело? Пусть дом наполнится веселыми женскими криками. Пусть бегут, куда попало, путаются под ногами у преступников. В этом хаосе он сможет улизнуть. А при нужде – и прикрыться какой-нибудь пышнотелой «бомбой». Он выразительно повел стволом: действуй. Путана кивнула, сделав мину кающейся Магдалины, прерывисто вздохнула и выскользнула в коридор. Не дура и не трусиха. В случае благополучного исхода есть повод к ней присмотреться, взять под свою опеку… Он опасливо шагнул за Ириной. Но снова начиналась какая-то ерунда! Не успел переступить порог, а она уже пятилась обратно, снедаемая ужасом. Обернулась – жуть кромешная в глазах, губы синие, кожа – промокашка. Не такая уж и девочка, – машинально отметил полковник. А в макияже казалась такой юной…

– Там кто-то есть, Дмитрий Аверьянович… – взволнованно выдыхала путана. – Он в коридоре… Стреляйте в него…

Мутный бес вселился в полковника полиции! Злость обуяла. Он мужик или кто?! Взревел с трагическим надрывом и бросился к проему. Оттолкнул визжащую проститутку и с пистолетом вывалился в коридор. Мелькнуло что-то на другом конце – невнятное, лохматое, не сказать, что человек. Он стал палить – выбивал пулю за пулей. Калибр так себе, но в узком пространстве грохотало, как в забое. В тылу визжала Ирина, в носу першило от пороховой гари. Он ничего не понял – куда пропал свет? Дайте свет! Темнота обрушилась, словно глаза лопнули! Злоумышленник ударил по выключателю – за косяком на лестнице. И перепуганная Ирина в гостиной захлопнула дверь. Полковник выпустил еще две пули. Он точно помнил, что в обойме остались еще две, и тут кромешный ужас накрыл саркофагом! Он в панике вертелся, чувствуя, что пули не находят цели, а опасность уже здесь, подкрадывается, шуршит. Этого демона свинцом не взять! Он с воплем бросился вперед, надеясь прорваться, повалить преступника. Но кто-то подставил ему подножку! Этот демон прекрасно видел в темноте! Полковник завертелся, как в центрифуге, ударился виском о стену. Искры брызнули из глаз. Пол перевернулся, он куда-то катился, делал кульбиты, орал, как хряк на бойне. Спасительного пистолета в руке уже не было. А за дверью орали запертые шлюхи – еще бы не орать, когда палят по двери… Финальный удар затылком, и мир распался на составляющие. Он был фактически в ауте, валялся тушей посреди коридора, хотя в сознании ворошился живучий червячок. Зажегся тусклый свет, полковник начал приподниматься. Он не мог валяться, когда вокруг такое. Трещала голова, немели руки, но он обязан был очнуться, предпринять какие-то меры. Только не смерть, он решительно протестует! Радужные круги плясали перед глазами, а дальше расплывалась муть. Из мути вырастало НЕЧТО. Неадекватная фигура в каких-то странных (видимо, маскарадных) обносках. Физиономию существа закрывала безобразная маска. Аляповатое чудище, то ли буйвол, то ли бык, то ли орк – подобные маски продаются в современных торговых центрах – в специализированных отделах для не вполне нормальных посетителей. Но в этот знаковый вечер он отказывался мыслить рационально. Страх давил и размазывал. Он понимал, что в рукопашной проиграет. Не устоит оплывший жирком полковник против существа, вырубившего четырех офицеров полиции. Он отползал, отталкиваясь пятками, шарил по полу, тщась отыскать оброненный браунинг. Пистолета не было. А страшная маска подъезжала, склонялась над ним. Дмитрий Аверьянович захрипел, задергался. Какого черта до него докопались?! Почему эта тварь молчит? Он хотел подняться, достойно встретить противника в собственном доме, но злоумышленник пнул по руке, и полковник сник…

Но что-то изменилось. Замороченный рассудок не сразу осознал. Распахнулась дверь, и тесное пространство огласил истошный женский визг! Из гостиной с занесенной над головой

бутылкой виски вынеслась путана. Вот это мужество! Он памятник воздвигнет этой бабе! Она подлетела к неопознанному существу, которое уже простирало длани к горлу полковника, и треснула бутылкой по черепу! Бутылка разбилась. Существо вздрогнуло, как-то осело, стало проваливаться.

– Дмитрий Аверьянович, вставайте, бежим! – визжала «бабочка». Она перескочила через копошащееся тело, схватила полковника под мышки, оторвала от пола. Но мало каши ела, куда ей справиться с таким боровом? А до полковника доходило, как до жирафа. И вдруг дошло! Он зарычал, оторвал от себя женские ручонки, взгромоздился на колени. По коридору расползался запах шотландского виски. Злоумышленник в лохмотьях оставался в сознании! Он тяжело дышал, распрямлял спину. Он тоже взгромоздился на колени, схватился за стену. И вдруг зарычал – глухо, утробно, словно зверь перед прыжком.

– Бегите! – Путана тянула полковника за рукав.

Опомнился: драку не выиграть! А если он тут не один? А если по дому рыщет целая стая ряженых? Ирина уже уносила ноги, вынеслась на лестницу, кубарем покатилась вниз. Полковник, набирая обороты, катился за ней. Молодец, девочка, умница, награжу, отмечу грамотой… Он забыл про боль, хватался за перила, прыгал через ступени. Он догнал эту юркую бабу! Сбил ее, оба покатились, упали под лестницей. Кое-как поднялись, заковыляли в вестибюль. Привычный удар по стене – вспыхнул тусклый канделябр над входом. Не по темноте же шарахаться… Ирина скулила от нетерпения, вырвалась вперед, подбежала к двери из толстого «волнистого» стекла, задергала ручку. Заперто! Не может быть! Полковник раздраженно оттолкнул скулящую особу, схватился за ручку. Почему заперто? Кто распорядился? Бред шизоидный. Впрочем, что тут бредового? Проникнув в дом, злодей нашел ключ в ключнице, вот и заперся, замкнув мышеловку. Он дернул что есть силы за ручку. Китай, разрази его кризис! Треснула конструкция с напылением металла, и дверная ручка осталась у полковника в руках. А дверь оставалась запертой. На окнах решетки, что делать? Ирина завыла, как на луну. До бедной дурочки не доходило, что мишень не она, цель злодея – полковник МВД Глотов! Дмитрий Аверьянович заметался, как загнанная рысь. Злоумышленник еще не спускался – возможно, тянул резину для пущего драматизма или имел проблемы со здоровьем. Пистолет в кабинете! Не выйдет! Кабинет он запер, ожидая гостей, – там компьютер, сейф с документами, на всякий, как говорится, случай, публика та еще. А ключ от кабинета он не хранит на связке… Пропади оно все пропадом! Полковник треснул выдранной рукояткой по стеклу. Не ломается! Что же делать? Звонок другу? Опомнившись, он подбежал к щитку, замаскированному подо что-то лубочно-декоративное, распахнул его, надавил на тревожную кнопку. Есть контакт! Десять минут – и все рассосется. Как бы с пользой их провести? Обезумевшая от страха Ирина повисла у него на руке.

– Дмитрий Аверьянович, миленький, что же делать?

– Отстань от меня, дура! Сними штаны и бегай! – заорал полковник, да с таким бешенством, что девица отшатнулась, задрожали губки. Вот она какая – мужская благодарность. Да пошла она в баню! Страх сжимал тисками грудную клетку. Ничего не происходило, от этого становилось еще страшнее. Срочно наверх – в спальню. Там пистолет в нижнем ящике комода. Занять круговую оборону, отстреливаться… Он метнулся обратно к лестнице, но встал как вкопанный. Совсем плохой на голову стал. Ведь в этом вестибюле еще одна лестница! Два шага налево – и он на цыпочках припустил к простенку, за которым прятался освещенный подъем в северное крыло здания. Путана не отставала, наступала на пятки. Какого черта привязалась? Сообразила, что после удара бутылкой злоумышленник не воспылает к ней теплыми чувствами? По крупному счету, Дмитрию Аверьяновичу было до лампочки. Лишь бы под ногами не путалась. Он карабкался через ступени, страдая одышкой… и вновь застыл как соляной столб. Нижняя челюсть отвалилась от верхней, холодок заскользил по хребту. Видимо, ночной посетитель неплохо разгадывал психологические задачки и имел представление о теории веро-

ятности. Он эффектно вышел из-за поворота, спустился на пару ступеней и встал, расставив ноги. Он вытянул руку с компактным браунингом полковника. Там оставались как минимум два патрона! Полковник окаменел. Он замерзал, превращался в ледышку. Застонала Ирина – тоже приросла к ступеням, не могла пошевелиться. Злоумышленник молчал. Это был, безусловно, мужчина. В рваной замшевой хламиде с обрезанными рукавами, на руках перчатки, на ногах берцы с толстыми подошвами, которыми можно до смерти забить человека. Идиотская маска закрывала не только лицо, но и половину головы…

Черное дуло смотрело Глотову в рот. Мгновенно пересохло в горле, полковник закашлялся.

– Эй, подожди… – пробормотал он, заикаясь. – Постой, ты… Ты кто такой? Что тебе надо? Хочешь денег?

Визитер молчал. Впрочем, шевельнулся, спустился на ступень. Дуло подъехало, и стало еще страшнее. В лицо полковнику пахнуло чем-то затхлым, могильным, совершенно неприемлемым. Ноги подкосились – он видел, как напрягся грязный палец на спусковом крючке. В отверстиях маски поблескивали глаза – бездушные, холодные, серые. Сейчас пальнет! – ошарашило офицера. За что?! Импульсивный порыв – от полной безысходности! Он дернулся, метнулся влево, вправо. И вдруг схватил в охапку икающую позади девицу, рванул ее, сам ушел в сторону – и прикрылся ею, как щитом. Девица брыкалась, норовила расцарапать глаза, но он держал ее прочно и начал пятиться. Последний эпизод не произвел на злодея впечатления. Глаза в вырезах маски оставались спокойными и холодными. Он только вздохнул… и вдруг стремительно спрыгнул вниз. Неуловимое движение свободной рукой, и полковник почувствовал, как конечность пронзила лютая боль. Он никого уже не держал. Девица, как переходящий приз, перекочевала к другому обладателю. Она орала, как сумасшедшая, закатывала глаза. Сильная рука схватила ее за шиворот, и девица полетела – на ровную площадку между пролетами. В ней не было ничего интересного для злоумышленника – даже после злополучного удара бутылкой. Ирина дурой не была, уловила намек – приземлилась без повреждений и скачками, воя по инерции, бросилась на второй этаж, где мгновенно пропала из кадра. Полковник снова увидел дуло браунинга, зрачок смерти… В глазах за потешной маской поигрывала усмешка. Он спустился на ступень – и полковник попятился, не отводя завороженных глаз от пистолета. Таким порядком они и опускались вниз – одного ломало от страха в ожидании выстрела, он нащупывал носком ступени, второй – спокойно и деловито. Вестибюль, мраморные плиты, дверь из дуба и прочного рифленого стекла… Полковник дернулся, пустился наутек, петляя, как заяц. Наверх, к парадной лестнице! Глупо, но чем не шанс? Грохнул выстрел, пуля пропела над ухом, он зацепился за витую колонну и чуть не обернулся вокруг нее, как вьюн! Растянулся на узорчатом полу, завизжал от пронзительной боли в поврежденном плече. Вспыхнули отбитые внутренности. Он отполз за колонну, закусив губу, обливаясь потом. А за ним, бесшумно ступая громоздкими ботинками, двигалось зловещее существо в карнавальной маске… Полковник дополз до входной двери. Сбоку на сигнальной панели пульсировал тревожный огонек. Он уперся ладонями в пол, но не спешил вставать. Физиономия жертвы превращалась в серую маску, глаза заволокла предсмертная муть. Он обмочился от ожидания конца – уже попахивало, промокали штаны.

– Ты что за крендель, черт тебя бери? – хрипел Глотов. – Ты на хрена сюда пришел? Я тебя не знаю…

– Темная кошка с темным прошлым, Дмитрий Аверьянович. – вкрадчиво отозвался незнакомец. – Еще и в темной комнате. – У него был тихий, хрипловатый и запоминающийся голос. – Согласен, вы меня не помните. Столько воды утекло. Но вы меня знаете, Дмитрий Аверьянович. Знаете, но не помните…

– Слушай, сволочь, ты или стреляй, или объясни… – захрипел полковник. – Какого хрена изъясняешься загадками? Падла, ты хоть соображаешь, на кого пошел?

– А что я здесь, по-вашему, делаю? – удивился незнакомец и покосился на пульсирующий огонек. Время для беседы оставалось. Злоумышленник с любопытством разглядывал скорчившееся под ногами тело. Склонил голову. Потом в обратную сторону. Видно, фильмы ужасов в свободное время он просматривал. Сел на колени, схватил свою жертву за шиворот, оторвал от пола и безжалостно врезал рукояткой по челюсти! Хрустнула кость. Полковник забился в падучей, не в состоянии обуздать боль. Незнакомец убрал пистолет, снова взял свою жертву за грудки и без слов ударил в зубы. Часть зубов, по-видимому, уцелела – он продолжал вяло ругаться, путая угрозы с мольбами о пощаде. Злоумышленник удовлетворенно кивнул, выпрямил спину.

– Потеря памяти – это крайне досадно, Дмитрий Аверьянович, – вкрадчиво посетовал он. – Совсем не вспоминается, нет? Прошло каких-то восемнадцать лет, вы носили почетное звание сержанта ППС, трудились, как и ныне, в Литвиновском РОВД, беспощадно боролись с преступностью…

– Падла, я не понимаю… – плевался кровью Глотов.

– Ладно, излагаем простым языком, – вздохнул незваный гость. – И прекратите ругаться, Дмитрий Аверьянович, не то огребете в дыню по самые помидоры. Девяносто пятый год, июнь, Рябинниковский сельсовет. Четыре милиционера в свободное от работы время изволили отдыхать на берегу Власовки. Один из них были вы, господин Глотов. Молодая парочка по соседству – парень с девушкой, обоим по семнадцать, юные влюбленные сердца, поклявшиеся быть вместе до гробовой доски. Милиционеры выпили, им было скучно, рыба не клевала, потянуло на подвиги. А тут такая куколка под боком. Процесс ухаживания завершился избиением паренька и групповым изнасилованием несовершеннолетней девочки. Вы были первым, кто это сделал – в грубой, как сейчас говорят, и циничной форме. Вспоминаете, Дмитрий Аверьянович? Вижу по глазам, что память заработала. Девочку звали Людмила Вдовина. Паренька – Павел Ковальский.

– Черт, так это ты… – Землистая физиономия сморщилась и стала приобретать салатный оттенок.

– Избитый парень очнулся, когда все кончилось. Истерзанная девушка лежала без сознания, пьяные ублюдки застегивали штаны и оживленно делились впечатлениями. Рассвирепевший Павел Ковальский бросился на них, но что он мог сделать против четверых молодчиков? Пареньку едва исполнилось семнадцать. Менты гоготали, били его ногами, пасовали друг другу – словно в мячик им играли. Паренек вырвался, откатился, а когда на него набросились все четверо, он схватил подвернувшуюся корягу и швырнул в того, кто лез первым. Им оказался сержант Лемясов – примерный семьянин и добросовестный работник. Сучок коряги вонзился в чувствительное место над верхней губой, работник милиции скончался на месте. Рассвирепевшие подонки накинулись на Ковальского, чтобы добить, но в этот момент именно у вас, Дмитрий Аверьянович, проснулся здравый смысл. Как ни крути, ваша компания совершила групповое изнасилование. Это досадно, не спорю, но на работников милиции тоже распространяется действие Уголовного кодекса. Вы остановили разъяренных товарищей, уже избивших парня до бесчувствия, и стали совещаться. Остатки водки вылили пареньку в горло. Дело выгорело. Отличная версия для правосудия: молодые поцапались, девица не дала своему дружку – поскольку, по ее мнению, он был выпивший. Обиженный Ковальский бросился на подругу, стал ее насиловать, девчонка кричала, звала на помощь. Рядом оказались блюстители порядка – ну, совпало так, отдыхали в нерабочее время у соседнего переката – кинулись спасать девчонку, навешали насильнику – поскольку он в исступлении стал на них бросаться. В общем, исполнили свой гражданский и профессиональный долг. Не уследили – малолетний насильник швырнул корягу, погиб сержант Лемясов, вечная память храброму милиционеру… Данные экспертизы подтасовывать не пришлось, экспертиза показала, что у Ковальского и Людмилы был половой контакт. Он действительно был, но не имел отношения к изнасилованию.

Молодые люди любили друг друга. А что касается пьяных милиционеров, то они занимались с Людмилой нетрадиционным, так сказать, сексом, то есть не туда… Вы обязаны помнить, Дмитрий Аверьянович, как это происходило. Доказать свою непричастность и вину милиционеров Ковальскому не удалось. Еле выжившая Людмила подверглась жесткому прессингу и на суде промямлила, что ее насиловал Ковальский. Не самый красивый поступок, но преступники внушили ей, что в случае дачи «неверных» показаний погибнет вся семья девушки, включая маму и младшую сестру. Семнадцатилетнему «убийце и насильнику» впаяли восемнадцать лет. Многовато, учитывая возраст, но что поделать? Наше правосудие всегда было независимым – практика судов ни в коей мере не зависела от теории права. Опустим мелкие детали, Дмитрий Аверьянович, – как сидел, сколько добавили, как бежал. У нас не так уж много времени. – Преступник покосился на пульсирующий огонек сигнализации. – Хотя, полагаю, минуты четыре у нас еще есть… – Стащил с лица надоевшую маску и вскинул пистолет. Полковник завыл, задергался. Личина злоумышленника оказалась не краше маски. Серая кожа, борода торчала клочками по всему лицу, благодаря чему его конфигурация совершенно не читалась. Мстительным огнем блестели глаза.

– Не хотите покаяться, Дмитрий Аверьянович?

– Подожди, не стреляй… – забубнил полковник. – Ну, что ты хочешь, мы же были молодые, пьяные… Это было черт знает когда… Давность лет, ты понимаешь, что это значит? Не стреляй… – завыл Глотов, видя, как пришел в движение указательный палец мстителя. – Ну, покуражились, побаловались… Ну, прости, сломали тебе жизнь… Это ведь не я затеял, а Карамыш, это он говорит: а давайте, пацаны, с девчонкой порезвимся… Мы же никого не убили, это ты убил… С девчонкой все в порядке потом было…

– Было в порядке, – помедлив, согласился оппонент. – Разорванная кишка, сильная психологическая травма, но в целом жить можно. Когда меня отправили на зону, она окончательно замкнулась, удалилась от мира. Из дома не выходила, пугалась каждого шума с улицы. Психика дала глубокую трещину. Лекарства и психбольница не помогали. Она жила внутри себя, ни с кем не общалась, почти не разговаривала, личная жизнь отсутствовала. Она скончалась через шесть лет – покончила с собой, наглотавшись таблеток… Ладно, Дмитрий Аверьянович, удачно вам погореть в вашем аду…

– Не стреляй! – завизжал полковник, и физиономия его исказилась, как в кривом зеркале. – Ну, скажи, что ты хочешь? Денег? Я дам тебе денег… Много денег… Достаточно, чтобы компенсировать твой моральный урон… Только не стреляй, не бери грех на душу…

– Денег, говоришь? – Павел усмехнулся и задумался. Несколько минут в запасе оставалось. Менты примчатся с сиреной и мигалкой – он их приближение за версту почует. – Ты прав, Дмитрий Аверьянович, деньги мне тоже нужны. Надеюсь, твоя подруга не устроит нам там партизанскую войну? А ну, поднимайся, тварь, живо! – Он схватил испуганного полковника за шкирку, пнул по бедру. – И не вздумай хоть раз притормозить…

Полковник пробовал брыкаться, но эта ночь была не его. Попытки к бегству пресекались с особой жестокостью. Злоумышленник обладал невероятной силой и отменной реакцией. Наверх решили не ходить. Он гнал несчастного к кабинету – несколько шагов от вестибюля. Ключ не понадобился, ларчик открывался просто – каблуком по двери. Полковник что-то лопотал, вибрировал, воюя со связкой ключей. Один из последних был от сейфа. Тянуть резину не удавалось – любая пауза в движениях сопровождалась затрещинами. Хлюпая носом, он вытаскивал из сейфа, вмурованного в стену, пачки денег – российских, европейских, американских. Злоумышленник присвистнул – жил Дмитрий Аверьянович явно не на зарплату. Он рассовывал банковские упаковки по внутренним карманам своей затрапезной стеганки, а когда полковник снова начал тормозить, пригвоздил его хребет каблуком к полу и остатки содержимого выгреб самостоятельно. Стопка документов злоумышленника не взволновала, он порвал ее и разбросал клочки по полу. Улов получался солидный. Он сцапал за шкирку хозяина кабинета,

погнал обратно. На втором этаже кто-то хрипел и кашлял – коллеги Глотова начинали приходить в себя. Но чем они могли помочь своему начальнику? Вестибюль был пуст, желающих отличиться не наблюдалось. Полковник повалился под застекленную дверь, стеная от боли и разочарования. Он снова здесь! Ничего не менялось! Это несправедливо! Черепную кость высверливало дуло пистолета, а в глазах преступника блестело предчувствие утоленной мести.

– Засим расстанемся, господин полковник, – утробно вымолвил злодей. Истории неведомо, хотел ли он на самом деле стрелять. Глотов взвился, как поруганная добродетель:

– Ты, тварь, сука, падла, гнида вонючая, я же дал тебе денег… ты обещал!

– Что-то не припомню, – удивился Павел. – Не давал я вам бездумных обещаний. Ты просто выдал желаемое за действительное. И прекрати, наконец, ругаться, господин полковник. Ты в шаге от вечности, а изъясняешься такими нехорошими словами.

Он допустил промашку. А ведь не ожидал! Полковник шустро перекатился, сгибая ногу в колене, и выбросил пятку! Удар пришелся по голени. Павел ахнул – надо же, какая неожиданность. Он не устоял, пол умчался из-под ног, выронил пистолет с последним патроном – и заскользил плечом по гладкому полу. Полковник подскочил с торжествующим воплем. Но Павел тоже не лежал. Оба бросились к упавшему пистолету. Полковник вскричал от дикой досады – ему бежать предстояло вдвое дальше! Зацепились в голове какие-то шарики за ролики, подвигли на нестандартный поступок. Полковник взревел трубным ревом, сменил направление, помчался, выставляя плечо, к двери. И когда преступник уже вскидывал брауниинг, полковник Глотов врезался всей массой в заделанную сантиметровым стеклом дверь. Стекло лопнуло, словно было самое обыкновенное! Верещащий полковник вывалился наружу вместе с осколками и выгнутыми рамами. Павел присвистнул от удивления. Зрелище действительно впечатляло. Он бросился к раскуроченной двери, но всё уже произошло. Окровавленный, побитый, полностью дезориентированный полковник двигался на голом автомате. Он сумел подняться и, валко ступая, наращивая скорость, кинулся в темноту сада. Трещали ветки, пронзительный вопль известил о том, что предыдущие травмы были не последними. Но на скорость это не влияло. Треск веток удалялся. Павел обернулся – фойе по-прежнему не наполнялось желающими отличиться. Попрятались соратники и проститутки. Рев сирены огласил ночную тишину. Работники по вызову прибыли через двенадцать минут. Машина с мельтешащими огнями вывернула из-за леса и помчалась вдоль опушки. За ней еще одна – дала крутой вираж и пристроилась в хвост. Машины стремительно приближались. Захрустело битое стекло – злоумышленник выскользнул из дома и, согнувшись до земли, заскользил к беседке…

В загородном доме воцарилась суета. Мельтешили проблесковые маячки, труженики вневедомственной охраны разбегались с фонарями по комнатам, топали по саду. Разорялся полковник Глотов – выживший и этим окрыленный. Какого хрена все эти люди болтаются по дому?! Все в сад, все в лес! Злодей в лесу, поймать немедленно! Почему вы все такие тупые?! Кто у вас командир?! Боже, когда же в этой стране разрешат отстреливать дебилов?! Живо вызвать майора Плакуна с его спецназом, пусть оцепит район! Это не блажь, в округе промышляет опасный вооруженный преступник, и вовсе не обязательно брать его живым! Работников охраны становилось больше (прибыло подкрепление), но заходить в лес они побаивались (не тот профиль), топтались на опушке да «зачищали» территорию особняка. Из дома с визгом выбежала стайка путан. Девицы бросились врассыпную – ну, не было у них желания общаться с вооруженными людьми. Не для того их выписывали из Дубны… Двоих удалось отловить (после чего сотрудники долго не могли понять, что же с ними делать), остальные канули – видимо, побежали на дорогу, надеясь поймать попутку. Из Литвиново прибыли кареты «Скорой помощи». Избитых офицеров полиции на носилках выносили из дома. Они стонали и матерились. Лишь подполковник Томский, сплющенный диваном, самостоятельно доковылял до «Скорой», где под дикий рев и выяснилось, что у него сломаны несколько ребер.

Призывы полковника Глотова – главного правоохранителя в районе – дошли по адресу. Полиция работала оперативно. В начале третьего ночи вся местность в радиусе трех верст была оцеплена. Задействовали все, что смогли наскрести – ДПС, ППС, вневедомственную охрану. Люди роптали – какого черта их сюда забросили? Опасный преступник давно уже вырвался из кольца (не такое уж идеальное это кольцо), сгинул в лесу, растворился в поле. Ну, не будет он ждать, пока его окружат! В три пятнадцать, когда луна отодвинула кудлатое облако и мазнула округу желтоватым светом, к особняку подкатила колонна черных джипов, стали выгружаться серьезные мужики при полной амуниции, вооруженные портативными «Каштанами». Один из них неспешно отделился от группы и побрел к скоплению машин «Скорой помощи» и прочей «вспомогательной» техники. Он возник в свете фар – невысокий, ладно сбитый, слегка за сорок, с хмурым сосредоточенным лицом, поискал кого-то глазами и потащился к полковнику Глотову. Тот сидел с перевязанной головой на подножке и курил, стараясь при этом не задействовать челюстные мышцы.

– Ну, ты и забрался, господин полковник, – буркнул командир спецназа. – Дороги – ужас, такие битые, что камни из почек вытрясают. Кругом Россия, жуть кромешная… Ба! – Небритая физиономия вытянулась от изумления. – Димон, да ты в натуре фарш… Хреновое у тебя выдалось утро…

– Перестань глумиться, – огрызнулся Глотов. – А то ведь не посмотрю, что друг… Ну, чего уставился? – разозлился он. – Лупаешь тут, как ушастая сова. Докладывай.

– Ну, так это… – крякнул прибывший. – Майор Плакун по вашему приказанию, все такое…

– По существу давай, – разозлился полковник и неласково покосился на медработника, шныряющего поблизости. Последнего как ветром сдуло.

– Оцепление расставлено. Слушай, Димон, – понизил голос Плакун. – Что за хрень происходит? Мы что тут, террористов ловим? Предупреждать, вообще-то, надо. Что случилось? Такое впечатление, что на твою домину налетел Мамай со всем войском, а не какой-то там залетный крендель. Он что, ниндзя? Ты посмотри на свою физиономию. Улучшил, так сказать. – Плакун не сдержался, гоготнул.

Полковник скрипнул зубами, застонал от острой боли в поврежденной челюсти, а отдышавшись, начал повествовать, понизив голос. Майору Плакуну пришлось пристроиться на корточки. Он мрачно слушал, покачивая головой, досадливо сплюнул сквозь зубы.

– Вот же ерш твою мать, Димон… – ругнулся он. – Слушай, а я в натуре забыл о той истории. Сколько лет прошло? Семнадцать, восемнадцать?

– Можно подумать, я не забыл, – огрызнулся полковник. – Этому типу семнадцать было. Сейчас тридцать пять – тридцать шесть. Схлопотал он по суду «восемнашку», но освободиться не мог – точно. Пару лет назад ему чего-то добавляли – пришил по дурости стукача на киче. Выходит, сбежал наш протеже? Почему мы об этом ни хрена не знаем?

– А кто мы такие, чтобы нам сообщать? – фыркнул Плакун. – Очевидцы, оказавшие добровольную помощь потерпевшей. Если сообщать во все концы о каждом сбежавшем зэке… Ты уверен, что это он?

– Он, Серега… Я вспомнил эти глаза… – Полковник передернул плечами – воспоминание не доставило удовольствия. – В натуре он. Решительно настроен. Мочить он нас собрался…

– Силен?

– Силен, Серега, – вздохнул полковник. – Прет, как карьерный самосвал. Четырех мужиков за шесть секунд уделал, а я на балконе даже не понял, что это было. Вякнуть не успели. Сам я вроде не дистрофик… – Глотов сжал кулак до синевы в костяшках. – А он швырял меня, как палку. Драться умеет, прятаться и маскироваться мастер. Под бомжа косит. Чем он, блин, на зоне занимался почти двадцать лет?

– Граф Монте-Кристо, итить его… – злобно харкнул Плакун. – Ладно, какой бы ни был, а не сильнее спецназа. Ты прав, Димон, эту личность нужно выявить и отправить к праотцам. Брать живым не стоит. Бросить все силы на его поимку – оправданное дело. Но с чего ты взял, что он еще здесь? Время смыться у мальца было – мы же не в момент район оцепили. Да и толку от этого оцепления? Повсюду трава в полный рост, в трех шагах ничего не видно.

– Чувствую, Серега, что он еще тут, – возразил полковник. – Не такой он кадр, чтобы бросать дело незаконченным. Допустил оплошку – попытается ее исправить. На сто процентов не уверен, но чую, что не уйдет он просто так. Крендель информированный. Не удивлюсь, если он сидит в лесу напротив и созерцает нашу тусовку. – Полковник покосился на вооруженных сотрудников, толкущихся неподалеку. – А вот если мы все уедем, то тогда и он, ясен перец, слиняет.

– Не порадовал, Димон. – Майор Плакун озадаченно почесал жесткий затылок. – И что, будешь тут сидеть, мерцать, как тополь на Плющихе? Осмелел ты, – кивнул он на вооруженную команду. – Под сенью дружеских штыков. И не боишься, что парень наладит снайперскую винтовку да шандарахнет тебе в лоб?

– Тебе он, кстати, тоже шандарахнет, – проворчал Глотов, помялся, поглядел по сторонам и неохотно процедил: – Ты же не маленький, Серега? Понимаешь, что дело серьезное? Доказать этот тип ничего не сможет, уйма лет прошла, девчонка умерла, и косточки ее давно протухли. Но все равно опасно. Могут круги пойти, а нам оно сейчас никак не по кайфу. И противно, знаешь ли, если это чучело будет постоянно над душой висеть. Вторично достать не сможет, мы уже наученные, но постоянно мотать нервы…

– Димон, я все понимаю, – вздохнул Плакун. – Если не сможем обезвредить этого живчика сегодня, мобилизуем все силы в районе, подключим опергруппы, внештатных сотрудников. И тайны из операции делать не стоит. Ловим именно Ковальского – отмороженного зэка, сбежавшего с зоны, чтобы мстить тем, кто его туда заслуженно отправил. Особо опасный преступник, владеет единоборствами и умеет пользоваться любым видом оружия. В случае обнаружения стрелять на пораже…

Фраза зависла – у майора сработала рация, пристегнутая к поясу. Он отошел, включил устройство и как-то сразу подобрался, навострил уши. Выслушав, начал лаконично отдавать распоряжения. Вернулся напряженный, немного побледневший.

– Нарисовался твой Ковальский, господин полковник. – Осипший голос выдавал волнение. – Несколько минут назад неустановленный субъект, одетый в лохмотья, пытался вырваться из Кудряшинского бора…

– Так вот он – Кудряшинский бор… – хрипло вымолвил полковник, простирая палец к черному лесу за оградой.

– Я знаю, – кивнул майор. – Лесной массив, примыкающий с севера к вашему поселку. Площадь – несколько квадратных километров. Инцидент произошел на западной опушке. Вероятно, этот тип бежал с твоего участка прямо в лес. Примерно час колобродил по чаще, потом решил покинуть бор. Его заметили с дороги, куда он пытался выбраться. Кинулись туда на машине, а он нырнул в траву и побежал обратно к лесу. Я приказал подразделениям оцепить бор, в чащу не соваться. Можно, конечно, подождать до утра… – Майор Плакун задумчиво почесал переносицу. – Но мало ли, парень ушлый, может проползти мимо наших людей. Да и парням моим хочется размяться, истосковались ребятки по настоящей «зарнице»…

– Серега, возьми его… – взмолился полковник.

В августе светает поздно. До рассвета оставалось два часа, когда группа Литвиновского спецназа подошла к лесу и оккупировала опушку. Бойцы подгоняли амуницию, проверяли оружие. Майор Плакун лично командовал группой из девяти человек. Вполне достаточно для операции по поимке преступника. Нечего толкаться в этой чащобе. Каждый боец отряда стоил десятерых. Следопыты, снайперы, партизаны. В отличие от полковника Глотова, Сергей Ива-

нович был не робкого десятка, обожал при случае погонять адреналин и считал, что преференции, забираемые им от жизни, он всецело заслужил многолетней работой на благо государства. Он не прятался за спинами людей, двигался в первых рядах. Пятеро по центру, четверо по флангам, а десятый был уже в лесу, хотя особо это дело не афишировал. Быстро выявили смятую зэком траву – массивные подошвы сорок третьего размера. Вбежав в лес, он перепрыгнул поваленную ель, растолкал ветки боярышника, а потом какое-то время петлял между деревьями. Спецназовцы шли по следам, ощупывая их светом от фонарей. Парни на флангах держали в поле зрения «следопытов», еще двое работали на «выселках», шепотом согласовывая в переговорник свои действия. Адреналин уже бурлил, майор Плакун испытывал вполне здоровое возбуждение. Десять против одного – гордиться нечем, но если этот парень действительно так хорош, как уверен трусишка Глотов, – то можно и поработать…

Группа продвинулась в чащу метров на семьдесят и стала перестраиваться клином. Следы преступника пропали – первый тревожный звоночек. Спецназовцы перешептывались в переговорное устройство, «следопыты» лихорадочно искали следы. «Всем остановиться, – приказал Сергей Иванович. – Слушать».

Отряд застыл, бойцы навострили уши. Кудряшинский бор жил своей вялой ночной жизнью. Посвистывал ветер в далеких кронах, где-то в чаще ухала неугомонная ночная птица. Щелкали, отваливаясь от стволов, сухие веточки. Хрустнула валежина – метрах в сорока, «на полвторого»! Бойцы напряглись. Чего бы ей хрустеть без видимой причины? Есть контакт! – забилась пульсация в голове. Снова хрустнуло – уже глуше.

– Всем вперед, – бросил в микрофон Плакун. – Он здесь. Не спугните раньше времени…

Бойцы устремились вперед. Снова встали, отмерив половину дистанции. Хрустнула валежина – метрах в сорока, «на полвторого»! Издевается? – пронеслась тревожная мыслишка. Вперед, этот тип их вычислил! Бойцы бросились дальше, освещая дорогу фонарями. И вот незадача – угодили в средоточие молодого ельника, по которому совершенно невозможно передвигаться вертикально! Не заманивает ли нас этот умник? – вкралась вторая тревожная мыслишка. Бойцы опускались на колени, чертыхаясь, проползали под низко висящими лапами. «Очень плохо», – отметил Плакун. Карты Кудряшинского бора у спецназа, разумеется, не было. Не существует в природе подобных карт – просто зеленое пятно на местности.

– Товарищ майор, он перед нами, – взволнованно сообщил в коммуникатор идущий впереди лейтенант Ордынский. – Он глумится над нами, уводит в лес. Разрешите атаковать?

– Давайте, – решился Плакун.

И покатилась с косогоров спецназовская масса! Лес осветился, словно днем. Ругались бойцы, обретая ссадины и шишки, копошились в прелом мху. Метался свет, озаряя приземистые ели, впадины и вздутия на ровном месте. Вот что-то мелькнуло – впереди, «на полвторого», мать его! Юркая тень прошмыгнула между деревьями. Десятая доля секунды – и пропала. Бойцы устремились в заданный квадрат, ломая боевой порядок. Мелькали ели, кочки. Пробежало плешивое дерево, обросшее лишайником. Отряд все глубже погружался в низину.

– Растянуться, – приказал Сергей Иванович. – Глазнев, Ростовченко – на фланги.

Это было какое-то странное место. Полная глушь. В этом гиблом месте деревья теряли хвою, со стволов сползала кора. Учащались неровности ландшафта, топорщились неказистые кустарники. Отряд ускоренным маршем спускался в низину, огибая препятствия. Искомый объект был прямо по курсу, ни у кого из бойцов не возникало в этом сомнения. Поэтому отчаянный вопль за спиной явился полной неожиданностью! Бойцы растерянно озирались, слепя друг друга фонарями. Мучительный вопль преобразился в долгий страдальческий стон. Бойцы, спотыкаясь, побежали обратно. Боец катался по траве, мыча от боли. Боль была такая адская, что лицо пожирнело от пота. У лейтенанта Ростовченко были перебиты ноги ниже колена! Он давился словами – он не понимает, как это случилось, вроде шел со всеми наравне, наткнулся на незначительное препятствие. А потом со спины обрушился удар – словно оглоб-

лей огрели! Он слышал, как трещали собственные кости, ноги сломались, будто спички, непередаваемая боль… Спецназовцы вскидывали автоматы, крутились, светили фонарями. Выбывший из строя боец закусил рукав форменной куртки, так было легче терпеть.

– Ищите его, товарищ майор, – хрипел незадачливый Ростовченко. – Он где-то здесь… Я справлюсь, позабочусь о себе. Потом пришлете за мной кого-нибудь…

– Он там! – завопил спецназовец по фамилии Иваненко, выбрасывая руку в сторону кустов. – Я видел, как он перебежал, товарищ майор!

– Огонь по кустам! – выплюнул Плакун.

Свинцовый шквал пронесся по лесу. Сыпались ветки, огрызки коры, летели клочья мха и чернозема. Пули взбудоражили кустарник, срывали листья.

– Отставить огонь!

И все услышали жалобный затухающий стон. Бойцы возбужденно загалдели – попали в гаденыша! Двое – Иваненко и Глазнев – под прикрытием дружеских стволов бросились прояснять обстоятельства. Они скакали по кочкам, пробуравили взлохмаченный кустарник. И пропали.

– Товарищ майор! – прокричал из мглы Иваненко. – Здесь канава!

Установилась тишина, и уже секунд через двадцать до взбешенного Плакуна дошло, что его редеющую команду снова обули. Семеро бойцов рванулись через кустарник и в неглубокой лощине обнаружили очередных страдальцев. У Глазнева была разбита голова, с темечка стекала кровь. Иваненко делал попытку приподняться, но земля не держала, он завалился и так взревел, что все почувствовали себя не в своей тарелке.

– Падла, толкнул меня, мужики… – болезненным голосом жаловался Иваненко. – Это шейка бедра, мужики… В натуре, он шейку бедра мне сломал… Как же я теперь?

У этой парочки не хватало одного «Каштана», а подсумки с запасными магазинами были вскрыты и опустошены. Черт, он ведь не мог далеко уйти! Жгучий страх охватил майора спецназа: если этот гад начнет стрелять, то покрошит всех к чертовой матери, и бронежилеты не спасут! Он разорялся, орал дурным голосом – всем рассредоточиться, занять круговую оборону и изрешетить к той-то матери весь этот долбаный лес! И вновь многострадальную чащу накрыла завеса свинца. Спецназовцы самозабвенно лупили по всему, что видели в лучах света, натыкались друг на друга, роняли фонари. А когда стрельба оборвалась, вновь услышали стон. Лейтенант Ордынский катался по траве, зажимая простреленную ногу (явно постарался кто-то из своих) и интеллигентно выражался:

– Парни… Вы что, совсем охренели, по своим стрелять…

Двое уже хлопотали возле раненого, разрывали индивидуальный пакет с бинтами. Он отбивался от них, полз куда-то в сторону, хрипя, что справится сам, что злодею он теперь не нужен (отработанный материал), что этот умник никого не убивает, а лишь выводит из строя…

Оставшиеся спецназовцы сбились в кучку, залегли. Кто-то глухо роптал, что хватит заниматься херней, нужно вытаскивать раненых, а с рассветом, дождавшись подкрепления, по-умному прочесывать лес. Кто-то пошутил, что лучше разбомбить его к чертовой матери с вертолета. Капитан Балахонов выразительно матерился, грозился отомстить за товарищей и рвался в бой. А в душу Сергея Ивановича закрадывались отвратительные предчувствия. Стыдно признаться, он начинал терять веру в чудодейственную силу российского спецназа. Но отступать, в отличие от некоторых, не собирался. Себя не уважать. Он готов был положить всех своих бойцов, но дойти до финиша. Стонали раненые и покалеченные, что не помешало объявить очередную «минуту тишины» и выявить фигуру злоумышленника! Тот крался по канаве и явно растерялся, когда за него зацепились два луча света. Но пустился в бега, и его прыти позавидовала бы обезьяна. Не успела разразиться очередная свинцовая вакханалия, как взметнулись лохмотья, проворное тело перекатилось через косогор. Взорвались фонтаны земли, взбешенный спецназ с ревом пошел на штурм – и в конце пути обнаружил лишь спец-

назовский шлем, сорванный с головы Глазнева. Этот тип в открытую над ними потешался! У него была возможность перестрелять облажавшихся бойцов, но он не спешил ею воспользоваться. Треск веток в низине – он продолжал уводить людей в мрачную глушь. Шквал огня – и потрепанный отряд отказался от штурма в лоб, бойцы рассыпались, ползком и короткими перебежками перебирались в низину. Изнывающий от нетерпения Балахонов метнулся за развесистое дерево, вырванное бурей с корнем… и замер как вкопанный, когда в лицо ударил яркий свет. Секундного шока неприятелю хватило, чтобы нанести удар – и оглушенный воин рухнул навзничь, раскинув руки. Воцарялось какое-то мракобесие. Глухая чаща оглашалась сдавленными криками. Вспыхивал свет, мелькали человеческие фигуры. Не все еще смирились с мыслью, что Литвиновский спецназ опозорился по полной программе. Кто-то из бойцов выбрался из низины, прислонился к дереву, прижал приклад к плечу. Он лишь отрывисто охнул, когда сверху повалилось что-то тяжелое, зловонное, схватило за горло, прижало к земле. Боец сучил ногами, задыхался. Ему удалось напоследок разразиться воплем, но перехватило дыхание, и бравый труженик специального назначения покатился в страну разноцветных образов и видений…

Эта сцена не укрылась от внимания Сергея Ивановича. Он еще не утерял надежду прибрать негодяя. Он вскинул автомат, но передумал: можно своих зацепить, а это уже серьезно, незачем множить неприятности. Он прыгнул вперед, перехватывая автомат за ствол. Рубящий удар уже формировался, когда нога попала в ловушку – провалилась в рыхлую трухлявую кашу, майор взмахнул руками, выронил «Каштан». Он повалился, ободрав щеку, пропоров сучком кожу на черепе. Но тут же завертелся, охваченный паникой. Автомат куда-то пропал. Ладно, некогда вытаскивать «Каштаны» из огня… Он перекатился, сдернул с пояса рацию, чтобы отправить сигнал бедствия бездельникам в оцеплении. И сумасшедшая скручивающая боль обожгла руку – преступник ударил по ней кованым ботинком! Сознание померкло. Рации в руке больше не было. Ни рации, ни автомата, ни фонаря, а над душой возвышался зловещий рябящий силуэт. Сергей Иванович что-то хрипел, царапал землю. Его схватили за шиворот, куда-то потащили. Слава богу, все кончилось, едва успев начаться! Трещали выстрелы, преступник бросил его и покатился во мрак. Хрустел валежник, трясся кустарник, который он таранил. А в следующий миг к ошеломленному майору подбежали трое уцелевших бойцов, стали его поднимать. От боли в сломанном запястье темнело в глазах, он орал, как пациент на операционном столе, которому забыли сделать анестезию.

– Товарищ майор, уходить надо, – хрипел старший лейтенант Панов. – Облажались мы по-крупному, это дьявол какой-то… И патроны у всех закончились… То есть СОВСЕМ закончились…

Плакун не возражал. Уже не до войны, ноги бы унести. Под черепной коробкой поселился страх, он подавлял все прочие чувства. Чертова бравада, на хрена он полез? Преступник давно уже понял, кто командует спецназом. Он хочет избавиться от путающихся под ногами бойцов, а потом поговорить по душам с Сергеем Ивановичем. Хрен ему, Сергей Иванович не допустит! Крохотный отряд отступал из низины. Панов светил фонарем, двое поддерживали пострадавшего командира. Рука Сергея Ивановича висела плетью. Будь проклят этот лес! Извилистые корни каких-то странных конфигураций плелись под ногами, уплотнялся ельник, упругие хвойные лапы хлестали по лицу. Чего они приклеились, он может передвигаться самостоятельно! Сергей Иванович растолкал своих подчиненных, устремился вперед широким шагом. Группа из четырех человек прорывалась через лес – в западном направлении. Пока еще не путали стороны света. Людей душил страх. Никогда еще в своей профессиональной деятельности они не сталкивались с чем-то подобным. Страх кусал за пятки, дышал в затылок. Оружие превратилось в бессмысленное железо, остался лишь один фонарь. Дорогу пересек глубокий овраг с относительно пологими склонами. Панов бросился вперед, освещая дорогу, встал у противоположного склона, осветил своих коллег.

– Давайте, товарищ майор, здесь все видно…

И вновь какая-то чертовщина. Трое гуськом устремились в ложбину. Сергей Иванович семенил, чтобы не упасть, – понимал, что падение на больную руку будет полным крахом. Подчиненные нетерпеливо дышали в затылок. Почему так вышло, что злоумышленник оказался впереди?! Что-то просвистело, погас фонарь, и одновременно захрипел Панов, которому на голову свалились «обстоятельства неодолимой силы». Ворочались тела в густой темноте, отрывистые матерки сотрясали пространство. Сергей Иванович оступился, завалился боком – хорошо, что успел отбросить пострадавшую руку. Но тряхнуло так, что каждая клетка заныла. Он куда-то полз по пади ложбины, поднялся на корточки, заковылял, обливаясь потом. Бойцы рассыпались, потерялись, где их теперь искать? Пронзительный вопль за спиной, с хрустом вывернулась кость из плечевой сумки – еще одним «активным» бойцом стало меньше. Сергей Иванович от злости прокусил язык. Как такое могло случиться? Что за сила, против которой не выдерживают даже закаленные бойцы? Он помнил паренька, которого в 95-м отправили под суд. Обычный, кое-как оформившийся парень, простое лицо, потухшие глаза – в этом персонаже, попавшем под молох, хоть тресни, не было ничего от Рэмбо! Страх давил в затылок, как сжатый воздух. Майор Плакун, прихрамывая, семенил по дну ложбины, дыхание срывалось, сердце билось паровым молотом. Он боялся обернуться. Сзади что-то покатилось, затрещали ветки чахлого кустарника. Страх упругой плетью забился в мозгу. Кто-то догонял!

– Товарищ майор, это я, Кулаков… – выдавила темнота голосом последнего спецназовца, и Сергей Иванович облегченно вздохнул. – Вы в порядке, товарищ майор?

– Где мы, Кулаков? – Сергей Иванович туго соображал – боль в изувеченной конечности отдавалась по всему телу, стреляла в мозг.

– А хрен его знает… С Пановым беда, с Онищенко, кажется, тоже… Это овраг, мы метров на семьдесят ушли в сторону… Нужно выбираться из оврага, товарищ майор, пока этот дьявол не понял, где мы…

– У тебя оружие есть?

– Только нож, товарищ майор…

Нож имелся и у майора. В этом году бойцам подразделения выдали «МК2.1» – так называемый нож морского пехотинца с черным утолщенным клинком, ровной режущей кромкой и нейлоновой рукояткой. Ножи крепились в ножнах на поясе и вызывали крупные нарекания у «пользователей» – ввиду отсутствия столь необходимых в хозяйстве зубцов на обушке. Две фигуры, плохо различимые в темноте, выбрались из пади и залегли на западном склоне среди глиняных валунов. Выдалась минутка отдышаться. Липкий пот заливал глаза, приходилось постоянно утирать его здоровой рукой. Из темноты вырисовывались неровные скаты ложбины, пышные ели на краях оврага. Ничего подозрительного или угрожающего в округе не наблюдалось. Издалека доносились сдавленные стоны – покалеченных спецназовцев в этом лесу становилось больше, чем грибов.

– Что это было, товарищ майор? – глухо шептал Кулаков. – Нас никто не предупреждал, сообщили только, что ведутся поиски сбежавшего зэка…

– Это не человек, Кулаков, – неохотно отозвался Сергей Иванович. – Готовь нож, сейчас пойдем…

Боль сверлила, как перфоратор. Они карабкались на склон, Кулаков поддерживал майора под мышку. Сил практически не осталось. Несколько минут они передвигались гусиным шагом, пролезая под низко висящими лапами. Глаза привыкали к темноте.

– Сюда, товарищ майор, – шепнул подчиненный, делая круговые знаки. – Здесь, кажется, тропа…

Бледный лунный свет сочился через ворохи хвои, кое-где доставал до земли и растекался по кочкам, покрытым моховым пушком. Деревья раздвинулись, обрисовалась тропа. Спецназовцы шли, пригнувшись, стараясь не шуметь. Кулаков двигался в авангарде, обнажив нож.

«Неужто выберемся?» – мелькнула обнадеживающая мысль. Но нет, не та это ночь, когда случаются приятные события! Дернулся Кулаков – ниоткуда выросло пятно. Некто вышел на тропу прямо перед ними! Этот дьявол перемещался бесшумно, он отлично владел искусством появляться там, где он не нужен! Спецназовец замахнулся, чтобы швырнуть нож, но злоумышленник проделал то же самое – мгновением раньше. Упал в траву клинок морского пехотинца, охнул Кулаков – идеально отточенное лезвие по рукоятку вонзилось в бедро. Ощущения яркие – боец запрыгал на здоровой ноге, не удержался, отвалил куда-то вбок. Он извивался в прелом мху, мычал, как корова. Сергей Иванович онемел от страха. Он остался один перед смертельной опасностью. По тропе к нему медленно приближалось что-то зловещее, плохо читаемое, а оттого еще ужаснее! Злоумышленник помалкивал, просто шел. Паника плеснула через край. Не было сил сопротивляться, а тем более одержать верх! Но он не будет тут мерцать, словно кролик, очарованный удавом! Сергей Иванович выплюнул в пространство жгучий матерок, завертелся. И как резвый козлик, вдруг сорвался с тропы и рухнул под ближайшее дерево! Он не замечал, что рука вот-вот отвалится от дьявольской боли, рот забился прелой гадостью, и сам он может лопнуть от нехватки кислорода. Он куда-то катился, прижав к бедру пострадавшую конечность, саданулся о ствол, обогнул досадное препятствие. Чаща распростерлась, но он практически ничего не видел. Задыхался, куда-то полз, опираясь о землю здоровой рукой. Сзади трещали ветки, и это добавляло скорости. Поднялся на негнущихся ногах, побежал, но вскоре споткнулся о какой-то пенек, покатился в низину, насаживая дополнительные шишки. Похоже, он оторвался от преследователя! Он вонзился в колючий кустарник, откуда стал скатываться дальше, удачно объехал груду бурелома, свалился в канаву, по которой и пополз, от усердия прокусив губу. Канава петляла, из нее он выбрался в овраг, пару минут передохнул под обрывом, бросился дальше. Поваленное дерево оказалось сущим спасением. Ствол лежал неровно, между деревом и землей имелось пространство порядка двадцати сантиметров. Туда и втиснулся Сергей Иванович. Он лихорадочно набрасывал на себя мох и хвою. Застыл, начал вслушиваться. Похрустывали ветки – дьявол, потерявший след, прочесывал территорию. Он глухо покашливал, что-то бормотал. Потом все стихло, и сколько майор ни вслушивался, ничего не различал. Похоже, пронесло… И разом проснулись все болячки. Тысячи острых игл впились под кожу на сломанной руке. Бешеный пульс переместился под черепную коробку, затекшую ногу скрутила судорога… Он задыхался, но терпел. Губы превращались в кровавые лохмотья, он досыта наглотался собственной крови. Выбираться из убежища и куда-то идти было глупо, злодей непременно услышит. И куда ему теперь идти? Все стороны света в голове перепутались. Он закрыл глаза и провалился в бездонную трясину…

Очнулся через час, когда в природе наметилась предутренняя серость. Темноты уже не было, окружающие объекты обретали очертания. Вокруг майора спецназа громоздились черные ели. Ноги превратились в деревянные колодки, трясло от холода. Лицо распухло, нещадно горело – в темноте он не заметил, что лежит на муравейнике, который удобно примостился к поваленному дереву! Мелкая живность ползала по лицу, забиралась под одежду, больно кусалась. Сиплый кашель рвался из груди. Сергей Иванович выбирался из-под дерева, он вырастал из праха, словно зомби – всклокоченный, грязный, с зачумленным взором. В округе царила тишина, и это было как-то странно. Возможно, плотный лес глушил все звуки извне. Состояние было мерзкое, и даже то, что он живой и волен делать все, что хочет, не внушало оптимизма. Впрочем, это понимание быстро прошло. Майор побрел, куда глаза глядят – а глядели они в единственный просвет между зарослями. Он был не в том состоянии, чтобы ползти под ветками. Споткнулся, перебираясь через трухлявый пень, разбил коленку и выкатился на поляну, заросшую пахучей медуницей. Подниматься не хотелось, он был разбит морально и физически. Но пришлось привстать, чтобы посмотреть в глаза смертельной опасности.

Посреди поляны, скрестив ноги, сидел леший и ножом морского пехотинца строгал веточку. Под ногами у субъекта обретался потасканный школьный рюкзачок и пистолет-пуле-

мет для ведения ближнего боя под названием «Каштан». Леший выглядел колоритно – большую часть лица покрывала комковатая растительность, вьющиеся волосы с вкраплениями седины слиплись от грязи и смолы. Леший что-то тихо напевал. Он покосился серыми глазами на майора, проделавшего кульбит, и продолжал строгать свою веточку. Сергея Ивановича обуял мокрый кашель, он схватился за грудь, задыхался, скрипел зубами от злости и безысходности.

– Набегались, господин майор? Выспались? – искры заблестели в серых глазах. – Не стал вас будить, пожалел. Пусть, думаю, отдохнет человек в последний раз.

– Ладно, сволочь, твоя взяла… – пробормотал Сергей Иванович, поднимаясь на колени. – И что теперь? Убивать будешь?

– Буду, – деловито кивнул леший. – А что еще с вами делать? Грубый вы какой-то, господин майор. Сломали жизнь невинной девушке, посадили в тюрьму на восемнадцать лет ее парня – за то, заметьте, чего он не совершал. Убийство вашего коллеги – самооборона и случайность, это очевидно. Ваша преступная группа спелась со следствием, прокуратурой, судьей, и чем это закончилось, мы все прекрасно знаем. Подонки сделали грязное дело и ушли от ответственности. Вы – один из них. Хорошо провели эти восемнадцать лет, Сергей Иванович? Росли по службе, стали важным, значимым. Фактически, вы второй полицейский в районе после господина Глотова. У вас полезные связи, отличный послужной список, красавица жена, несколько домов, приличный автопарк… Не пора ли расплатиться, Сергей Иванович? Вы находите в моем поступке что-то возмутительное? Он вас шокирует? А как вы сами поступили бы на моем месте?

Преступник с любопытством склонил голову.

– Послушай, парень, – прохрипел майор. – Хорошо, я не буду запираться, с тобой поступили несправедливо… Огрехи молодости, у кого их нет… Но на хрена перегибать-то? Ты за ночь покалечил полтора десятка людей, ты пошел против власти, против людей при исполнении…

– Все живы, – пожал плечами злодей. – Мелкое хулиганство. Покалечены люди, исполнявшие преступный приказ. Некрасиво, не спорю, но, думаю, наша справедливая Фемида это учтет. Игра в пятнашки со спецназом не тянет на восемнадцать лет, верно? Это же просто игра?

– Ладно, слушай, – заспешил майор, видя, как преступник подтягивает ремешок «Каштана». – Я не слепой, парень, вижу, что ты не хочешь никого убивать, ты не убийца… Давай решим проблему полюбовно? Сколько ты хочешь? Миллион рублей? Три миллиона рублей? Как насчет пересмотра дела? Ты не насиловал свою девушку, это сделали какие-то отморозки до появления милиционеров. Они же и прикончили Лемясова, который прибежал раньше остальных. Ошибка следствия. Тебя выпустят, ты получишь компенсацию…

– Блестящий план, – усмехнулся беглый зэк. – И компания бравых копов вновь выходит сухими из воды? Не прокатит… Вас было четверо – вы, Глотов, Лемясов и Карамыш. Вы изнасиловали девушку, избили меня, а в живых оставили только затем, чтобы подставить под уголовное дело. Вы признаете свою вину, господин майор? – Он отбросил веточку, отложил нож и начал приподниматься.

– Послушай, да, я признаю… – забормотал майор. – Но это Глотов был инициатором, не я… Подожди, не делай глупостей… Давай поговорим… Ты ничего не добьешься, если меня убьешь… ты только сядешь до конца своей гребаной жизни…

Мужчина в живописных обносках уже стоял на ногах, уже неторопливо пустился в путь. Зловещая ухмылка исказила заросшее лицо. Он шел без оружия – с голыми руками. Ему не нужен был ни нож, ни пистолет. Майор спецназа ошалел от страха. Распухшая физиономия обрастала землистыми пятнами. Он тоже встал, расставил ноги, чтобы не упасть. И когда до врага осталось метра полтора, майор на удивление проворно выхватил из ножен нож, сделал отмашку. Рука почти не слушалась. «Леший» засмеялся – утробным сатанинским смехом. Сергей Иванович попятился. «Леший» наседал. Сергей Иванович испустил пронзительный вопль,

бросился вперед, чтобы всадить лезвие врагу в живот. Но враг даже не отпрянул. Быстрая манипуляция, выпало холодное оружие, и теперь уже вторую руку Сергея Ивановича терзала раздирающая боль! Сломалось запястье. Он орал – такая боль, не орать невозможно! Рука повисла плетью.

– Теперь вы симметричный, господин майор, – с удовлетворением констатировал преступник и схватил падающего майора за грудки. Сокрушительный удар обрушился на челюсть, за ним второй, третий. Сергей Иванович лишился чувств, рот наполнился зубным крошевом. Жалкое существо валялось под ногами, а победитель с нескрываемым презрением его разглядывал. Потом плюнул в распухшую кровавую маску, бывшую когда-то лицом. Задумался – может, помочиться на него?

Внезапно он насторожился, повернул ухо по ветру. В лесу что-то происходило. Галдели люди, хрустели сучья. Стоило предположить, что по Кудряшинскому бору шла массированная облава. Мужчина нахмурился, повернул ухо в другую сторону. На юге тоже перекликались люди. И на востоке… Он досадливо покачал головой, презрительно покосился на бесчувственное туловище.

– Повезло вам сегодня, господин майор. И вашему коллеге Глотову повезло… Но вы не обольщайтесь, мы еще продолжим…

Он забросил за спину рюкзачок (вполне уместный атрибут для человека без определенного места жительства), поднял автомат и упруго побежал в северном направлении…

Он надеялся, что кольцо еще не замкнулось. Ясное дело, что подмосковная полиция стоит на ушах, а после пропажи отряда спецназа у них теперь свербит во всех местах. Можно представить, какие силы стянули в район. Мужчина размеренно бежал, высоко подбрасывая ноги, чтобы не запнуться. Сиплое дыхание вырывалось из груди. Этот лес в последние дни он тщательно изучил и чувствовал в нем себя как рыба в воде. Он знал, что на севере препятствий не будет, там ельник сменяется разреженным сосняком, и одолеть его можно за считанные минуты. А с прочих сторон уже давили – кольцо сжималось. Уже различались конкретные крики. Командиры подгоняли бойцов – не растягиваться, не отставать! Мужчина ускорялся, прыгал через канавы. Дышать с каждым шагом становилось труднее. Он ведь не железный человек, он самый обыкновенный, пусть и готовый к небольшим нагрузкам. Кожа зудела от ссадин и порезов. Репеллент не спасал – кровососы впивались в кожу. Еще тот самый злополучный удар бутылкой по голове – всю ночь он напоминал ноющей болью, сменившейся острыми вспышками…

На севере кольцо оцепления почему-то не замкнули. Видно, людей не хватало, чтобы совладать с таким массивом. Он чувствовал, что там свободно, и спешил прорваться. Он ускорялся, рвался из последних сил. Уже виднелся просвет между деревьями. И все же край облавы его зацепил! Люди в синих пятнистых куртках – видимо, ОМОН, переброшенный из крупного населенного пункта. Он уже выпрыгивал на опушку, когда слева разразились вопли, и из кустов вылупились двое с «калашами» наперевес. Они призывно завопили и, не вступая в переговоры, принялись стрелять. Мужчина рухнул плашмя, раскидав конечности, и целый рой промчался над головой – навстречу своим же, бегущим справа! Омоновцы долбили, не щадя патронов, и ничего удивительного, что у них очень скоро опустели рожки. Мужчина подпрыгнул и тоже принялся строчить. Он не целился, брал выше, над головами. Но возбужденным омоновцам казалось, что он стреляет точно по ним. Они исступленно кричали, пятились обратно в кустарник. Один из бравых вояк подвернул ногу – завопил, видимо, решил, что его подстрелили. Они еще перезаряжали, а коллеги сзади почему-то чесались. Беглец бросился вперед олимпийскими прыжками, перемахнул через кучку заготовленных бревен на опушке и с разгона вонзился в высокую траву. ОМОН выскакивал из леса, хлопали разрозненные выстрелы. Истошно вопила луженая глотка: «Он здесь! Он здесь!» А беглец уже полз по высокой траве, петлял, сбивая охотников со следа. Несколько раз менял направление, скатывался в борозды, пере-

двигался по ним гусиными шажками. Привстал, обозревая суету на опушке. Несколько человек бежали по траве – но явно не за ним. Кто-то возбужденно кричал в рацию. Огонь уже не велся. Черт, они окружат его в этом поле и выдавят, как пасту из тюбика! Он в отчаянии обернулся. Не за горами покосившийся плетень, за стеной бурьяна – продавленная крыша, здание барачного типа. Нахапетовка – захудалое поселение посередь голого поля. Полсотни хозяйств, половина из них заброшена, две улицы в колдобинах и рытвинах, сельпо, переулки, заросшие репейником… Вариантов не было, пропадать в чистом поле хотелось меньше всего. Он подтянул рюкзак, опустился на колени и пополз к плетню. Одолел поваленную ограду, повалился в бурьян. И, как молотом по наковальне – зычный вопль со стороны опушки:

– Он в деревне! Я вижу его – он там!!!

Затрещали автоматы, но кто-то заорал трубным голосом:

– Не стрелять, там люди!!! – И когда наступила неустойчивая тишина, этот же голос выдал: – Передать всем постам! Окружить деревню! Теперь этот черт не вырвется!!!

К девяти часам утра затянуло небо, и заморосил противный дождик. Лобовое стекло мгновенно покрылось водяной пленкой. Молодая женщина вздохнула и включила стеклоочиститель. Старенькие «дворники» (она их про себя называла веселыми таджиками) принялись со скрипом разгонять воду. Они всегда скрипели, доставляя невыносимые страдания. Специалисты в автосервисах упорно пожимали плечами, уверяли, что виновато во всем стекло («дворники» ни капельки не виноваты), а самый остроумный однажды посоветовал поменять машину, а заодно поинтересовался, чем занимается печальная дама сегодня вечером.

А как только подержанная (зато красная) «Хонда» съехала с шоссе на проселочную дорогу, спустило левое заднее колесо! Хорошо хоть скорость была не космическая. Машину повело, прибило к обочине. И надо же, сегодня она не перепутала педали газа и тормоза. Какая приятная мелочь… Она чуть не заплакала. Выходить из машины страшно не хотелось. Усиливался дождь, за спиной по шоссе проносились машины. Гудела печка, работал двигатель. Невыносимо тянуло в сон. Можно было немного вздремнуть. Вполне возможно, что во сне покажут рекламу с телефонами скорой автомобильной помощи. Кажется, в сотовом у нее имелся один соответствующий номерок. Она извлекла телефон из потрепанного чехла, стала изучать представленные в телефонной книге номера. Телефончик действительно имелся. Но звонок не проходил. Она недоуменно проверила счет и чуть не схватилась за голову: триста рублей долга! Это предел. Ну, что ж, операторы телефонного доения не зря едят свой хлеб…

Плакать захотелось еще сильнее. Не так давно она обнаружила у себя еще одну проблемную зону – кошелек. Женщина тяжело вздохнула, запахнула курточку и выбралась на раскисшую проезжую часть. Первым делом она поскользнулась, но не упала – успела схватиться за раскрытую дверь. Потом осмотрела спущенное колесо. Потом натянула на голову капюшон и побежала к багажнику. Потом вернулась – рычаг активации последнего находился под водительским сиденьем, о чем она постоянно забывала. Дождь молотил по голове, но эта проблема уже не являлась самой актуальной. В багажнике было много интересных вещей – скрученная клеенка, коробка с чистыми тряпками, пара цветочных горшков туманного происхождения. И даже набор слесарных инструментов, чье появление представлялось еще более туманным. Запасное колесо в первом приближении не просматривалось. Во втором, впрочем, тоже – даже после того, как она приподняла обтянутый велюром щит. Слезы побежали по впалым щекам. «Не расклеивайся, – приказала она себе. – А лучше подумай». Женщина задумалась. И вспомнила, как одна подружка-автолюбительница давным-давно уверяла, что если у тебя спустило колесо, это не значит, что оно пробито. Мало ли зачем оно это сделало. Ну, надо ему. Мысль оказалась интересной. Порывшись в закутках багажника, она нашла насос, подключающийся к прикуривателю, и через полминуты уже увлеченно занималась мужским делом. Насос застрекотал, стрелка индикатора поползла вверх. Когда она дошла до цифры «2», женщина выключила аппарат и задумчиво уставилась на прибор. Стрелка не падала. Это был хороший

знак. За спиной раздалось рычание. Она обернулась – запоздалая автомобильная помощь? Нет, что-то другое. С трассы районного значения на проселочную дорогу сползала вереница автомобилей. Первыми двигались два полицейских «УАЗа». Водители по очереди покосились на женщину с насосом, но предпочли не останавливаться. За автомобилями правоохранительных органов шел здоровый черный джип. За рулем восседала упитанная морда и занималась содержимым собственного носа. Покосилась на женщину под дождем, расцвела. Видимо, водитель хотел остановиться, но передумал – или отсоветовал сидящий рядом пассажир. Водитель сделал серьезное выражение морды, оставил в покое нос и пристально уставился в лобовое стекло. Из салона приглушенно доносилась музыка. «Еду, еду, еду, еду я», – ставил в известность подзабытый рок-певец с птичьей фамилией. Женщина взглядом проводила колонну. На замыкающем автомобиле красовались московские номера. Это нормально, до Москвы каких-то шесть часов. На танке. Куда они собрались? Тут одна дорога – в Нахапетовку. Кто-то неудачно отметил вчерашний День десантника? Спохватившись, она опять уставилась на индикатор насоса. Давление в накачанной шине не падало. Это был не просто хороший – это был замечательный знак! На досуге можно поразмыслить, почему, собственно, спустило колесо.

Пристраиваться в хвост подозрительной колонне как-то не хотелось. Она скрутила насос и выждала в салоне несколько минут, балуясь заслонкой печи. Радио проинформировало: сегодня 3 августа, вчера со стопроцентной точностью был день рождения воздушно-десантных войск. Дама убедилась, что не забыла залить бензин в бак, опасливо отжала рычаг передачи и поехала дальше по расквашенной дороге, от которой в двадцать первом веке осталось только название. Дождь практически стих, но с севера подходила угрюмая туча, не внушающая доверия. Пару километров она петляла по полю, объехала с востока протяженный холм, увенчанный какой-то мачтой, и в полной задумчивости подкатила к развилке. Налево уходила аналогичная дорога, украшенная указателем «Калганово, 3 км», направо – «Нахапетовка, 500 м». Она повернула направо и снова притерлась к обочине. Прямо по курсу стояла полицейская машина. Там же кучковались люди в форме с автоматами. Их было много – явно больше, чем способна вместить данная машина. Объехать полицейских было невозможно, поскольку навстречу, со стороны деревни, приближалась пятидверная «Нива», а бодаться с ней было глупо. «Не гаишники», – подумала женщина. Далее происходила занимательная сцена. «Человек с ружьем» небрежно мотнул стволом в сторону обочины, и «Нива» остановилась. Из нее выбрался крепенький пенсионер с блестящими залысинами и вступил с блюстителями правопорядка в затяжной спор. Перепалка завершилась не в пользу пенсионера. Двое полицейских скинули автоматы, а третий подтолкнул пенсионера к его машине. Полицейские вдумчиво осмотрели салон, багажник, содержимое капота, а самый дотошный глянул зачем-то под днище. И даже после этого проехать пенсионеру не удалось. Перепалка повторилась, после чего он с раздраженной миной забрался в машину, неловко развернулся и покатил обратно в деревню.

Взоры полицейских обратились в обратную сторону – к старенькой (но красной) «Хонде». «Ну, все, – расстроенно подумала женщина. – Сейчас обратно поеду. Или арестуют». Двое постовых вразвалку отправились разбираться. У одного была массивная шея, и сам он был бык хоть куда. Раздраженно морщился, осматривая прибывшую машину. Как любого быка, его, по-видимому, раздражал красный цвет. У второго физиономия была отчасти человечной. Впрочем, Гарвард он явно не оканчивал. Дама опустила правое стекло, и в салон втерлась любопытная физиономия. Накачанный напарник остался на обочине и на всякий случай поглаживал цевье автомата. Полицейский настороженно потянул носом.

– Здравствуйте, гражданочка.

– Здравствуйте, – согласилась дама. – Вы так принюхиваетесь, господин полицейский. Я издаю резкий неприятный запах?

Блюститель правопорядка с удивлением уставился на водительницу. Осмотрел ее всю, насколько было можно – уставшее, немного припухшее лицо с курносым носом, печальные серые глаза, в глубине которых залегла усмешка, трогательный беретик, из-под которого выглядывали пепельные кудряшки, – и как-то скептически поцокал языком.

– Я знаю, господин сержант, – вздохнула женщина. – Маньяки на таких не нападают.

Взгляд служителя законности посуровел. Он глянул женщине за спину, изучил пространство под ее ногами, снова посмотрел в глаза. На его носу красовался здоровый красный прыщ. «Комар нос подточил», – подумала девушка.

– Теперь вы смотрите на меня, как на собаку, которая сгрызла ваш айфон. Желаете поговорить, сержант? Или нет? Я что-то нарушила?

– Куда направляемся, гражданочка? – исторг по существу полицейский.

– Навигатор заблудился, – отозвалась автолюбительница. И почему ее вечно тянут за язык?

– Не понял…

– Простите, ради бога, мужчина, – взмолилась женщина. – Во-первых, обезьяна встала очень рано, во-вторых, не с той ноги… Я законопослушная гражданка, следую в населенный пункт под названием Нахапетовка. Оружия и наркотиков не перевожу…

– Багажник откройте, – потребовал полицейский.

Женщина вздохнула, выбралась из машины и побрела к багажнику. Потом вернулась, отыскала под сиденьем рычажок для его отпирания и побрела обратно. Подозрительно долго служитель порядка рассматривал его содержимое.

– Запаску приподнимите, – потребовал он.

– У меня есть запаска? – изумилась женщина. – Не поверите, мужчина, несколько минут назад я ее искала и не могла найти.

Полицейский посмотрел на нее с плохо завуалированной жалостью, вздохнул, приподнял щиток, приподнял фанерный лист, под которым обнаружилось компактное запасное колесо, и тщательно исследовал вскрывшийся «потайной» отсек. Невероятно.

– Вернитесь в машину, – распорядился он. Женщина вернулась, закрыла дверь и пристегнула ремень. Напарник полицейского продолжал мерцать на обочине и с удовольствием ржал.

– Документы, – потребовал полицейский. Поморщился, когда женщина протянула водительское удостоверение и свидетельство о регистрации транспортного средства, покачал головой: – Паспорт покажите, женщина. Мы не ГИБДД, какая же вы бестолковая…

– Правда? – удивилась путешественница и предъявила документ, удостоверяющий личность гражданина РФ.

– Одинокова Екатерина Андреевна, 32 года… – забормотал полицейский, пролистывая страницы и поглядывая на «оригинал». – Зарегистрирована в городе Дубна Московской области, улица Комсомольская… Не замужем, детей нет… – Он неохотно вернул даме паспорт. – Зачем вам в Нахапетовку, Екатерина Андреевна? Вы там живете?

– Я живу в Дубне, если помните. – Женщина сглотнула. – Улица Комсомольская, все такое… А в Нахапетовке у меня свой домик, оставшийся после смерти мужа и его ближайших родственников. Улица Салуяна, 13. Я впервые сюда приехала, хочу ознакомиться со своей недвижимостью. Вот документы на право собственности, бумаги на владение шестью сотками земли… – Женщина долго рылась, вздыхая, в упитанной кожаной сумочке, извлекла стопку мятых бумаг. От вида такого количества макулатуры работник полиции заметно поскучнел. Но взял бумаги, поверхностно их осмотрел и неохотно вернул.

– Вы впервые в этой местности, Екатерина Андреевна?

– Ну, я же сказала… В шесть утра выехала из Дубны, к обеду планирую туда вернуться… если здесь меня ничто не задержит. В чем проблема, сержант? В районе карантин? Эпидемия ящура?

– Можете проехать, – подумав, сообщил коп. – Но не уверен, Екатерина Андреевна, что с такой же легкостью вы поедете назад. Решайте. Впрочем, если операция к тому времени завершится, то препятствий не будет.

– Всех впускаете и никого не выпускаете? – Женщина задумчиво сморщила носик. – Что-то случилось, сержант? Так много полиции вокруг деревни… Или здесь всегда так?

– Проводится операция по задержанию опасного преступника, – скупо отозвался сержант. – План «Вулкан». Будьте осторожны. Можете ехать.

Господи, страсти-то какие… Полицейские потеряли интерес к обладательнице красной «Хонды» и побрели к своей машине. Женщина тоскливо смотрела им вслед. Как ей надоел этот постоянный выбор из двух зол… «Давай ты будешь рассуждать логически, – подумала она. – Шанс нарваться на опасного преступника не выше, чем снова выйти замуж. Ты извела двадцать литров бензина, встала в шесть утра, сожгла чайник, в который забыла налить воды, а на обратном пути изведешь еще двадцать литров, и ради чего? Нет, ты должна быть твердой и последовательной, что бы ни случилось». Она завела машину, объехала полицейских, которые в полном составе с любопытством ее разглядывали, и покатила в деревню. Дорога петляла меж высоких трав. Такое впечатление, что в полях работали косари, но у всех выдался обеденный перерыв. Люди растянулись по полю, чернели машины, в том числе одна грузовая. Можно подумать, здесь проводятся масштабные учения. «Деревню окружили, – сообразила женщина. – Интересно-то как». Она обогнула покатую возвышенность и через три минуты уже въезжала в Нахапетовку. Дорога превращалась в стиральную доску, но возможность проезда сохранялась. Проезжая часть была широкой, попадались участки, засыпанные гравием. Но в целом населенный пункт производил удручающее впечатление. Словно всё тут «после вчерашнего» – включая движимые и недвижимые объекты. Некоторые дома выглядели сносно, их окружали приличные заборы, территория у строений была ухожена. Но большинство построек завалились, разбитые крыши венчали кусты и даже деревья, сгнили и распались заборы. На правой обочине застрял проржавевший автомобильный прицеп, борта отброшены, грузовое пространство занимали остатки сгнившего сена. Пришлось объехать это чудо техники дальней обочиной, разбивая на ямах остатки подвески. Навигатор извещал, что населенный пункт под названием Нахапетовка состоит из двух улиц. Основная носила гордое название Выставочная и тянулась до пруда. Затем шел поворот на сто восемьдесят градусов и выезд на вторую улицу – имени Салуяна (кто этот человек с армянской фамилией, навигатор не сообщал). Улицы тянулись параллельно друг другу, их связывали переулки, по которым теоретически можно было проехать, но дама решила не рисковать. К тому же стоило осмотреться. Она медленно катила мимо «картинок с выставки» и вертела головой. В деревне, как ни странно, полицейских не было. Но напряжение чувствовалось. Машина протащилась мимо магазина, из которого выходила пожилая женщина с пакетом. Она испуганно покосилась на красного «японца» и предпочла не переходить дорогу, пока тот не проедет. Дрогнула занавеска в окне – кто-то подглядывал за плетущейся иномаркой. Показался частокол, увенчанный насаженными на него горшками и стеклянными банками. Один из горшков шевельнулся и заморгал. При ближайшем рассмотрении он оказался человеческой головой – крайне любопытной и пугливой. Пруд у завершения улицы смотрелся живописно. Спокойный водоем чертила стайка водоплавающей живности. Берега заросли камышами и осокой, в окрестностях пруда громоздились заросли тальника. На берегу сидели двое с удочками – что свидетельствовало о том, что пруд – не просто лужа для удовольствия, а также источник пропитания. Улица Салуяна оказалась хуже предыдущей. Жилые хозяйства на ней имелись, но смотрелись затрапезно. Дома не ремонтировались лет сто. Участки заросли ранетками и рябинами. Живые существа на этой улице вообще не просматривались, хотя дома определенно не пустовали. У кого-то сохли под дождем желтоватые простыни, у кого-то во дворе стоял доисторический «газик».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.